

УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
"БРЭСЦКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ ІМЯ А.С.ПУШКІНА"

**АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ
МОВАЗНАЎСТВА І
ЛІНГВАДЫДАКТЫКІ**

Зборнік навуковых артыкулаў

Пад навуковай рэдакцыяй прафесара,
члена-карэспандэнта БелАА Г.М.Малажай

Брэст
ПУП «Издательство Академия»
2005

УДК [81'1+372.881.046.16](082)
ББК 81.2Бел
А 43

*Рэкамендавана рэдакцыйна-выдавецкім
саветам БрДУ імя А.С. Пушкіна*

Рэцэнзенты:

Доктар філалагічных навук, прафесар, член-карэспандэнт БелАА,
загадчык кафедры беларускай мовы Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта імя А.А.Куляшова **В.І.Рагаўцоў**

Доктар педагагічных навук, прафесар кафедры агульнага
і рускага мовазнаўства Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта
імя А.С.Пушкіна **В.Б.Сінюк**

Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі:
А 43 зб. навук. арт. / пад навук. рэд. Г.М.Малажай. – Брэст : Изд-во Ака-
демия, 2005. – 140 с.

ISBN 985-6750-48-2.

У зборніку змешчаны навуковыя артыкулы па праблемах мовазнаўства і
методыкі выкладання беларускай і рускай моў у вышэйшай і сярэдняй школе.
Паказваецца функцыянальна-стылістычная значнасць лексічных і фразеалагіч-
ных адзінак, сінтаксічных канструкцый у мастацкіх, фальклорных, навуковых
тэкстах і дыялектным маўленні; вызначаюцца спосабы актывізацыі навучаль-
нага працэсу.

Прызначаецца навуковым работнікам, выкладчыкам, настаўнікам, аспіран-
там і студэнтам філалагічных факультэтаў, усім, хто цікавіцца праблемамі лінгва-
стылістыкі і лінгвадыдактыкі.

УДК [81'1+372.881.046.16](082)
ББК 81.2Бел

ISBN 985-6750-48-2

© Установа адукацыі "Брэсцкі дзяржаў-
ны універсітэт імя А.С.Пушкіна", 2005
© Афармленне.
ПУП «Издательство Академия», 2005

ЗМЕСТ

ЛЕКСІКАЛОГІЯ. ФРАЗЕАЛОГІЯ. СІНТАКСІС

- Аляхновіч Ю. М. Сістэма часаабзначэння ў беларускай і англійскай мовах (на матэрыяле фразеалогіі)
- Бойка С. В. Міжузроўневая інтэрферэнцыя лексіка-семантычнай сінаніміі і сінтаксічнай аднароднасці ў мастацкім тэксе
- Бут-Гусаім С. Ф. Мянускі як ацэначна-характарыстычныя найменні чалавека ў беларускай мове
- Варонік С. А. Родная мова як этнакультурны і нацыянальны чыннік творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча
- Гурина Н. Особенности речевого портрета студента-гуманитария
- Дзябёлая А. В. Аказіянальныя функцыі фразеалагізмаў у праявічых творах
- Кананенка Д. А. Функцыянальная значнасць англіцызмаў у сучаснай беларускай прозе (на матэрыяле твораў, змешчаных у часопісах «Маладосць», «Полымя», «Дзеяслоў»)
- Касцючык В. М. Тэматычная агульнасць назоўнікаў, адпаведных заменнікам фразеалагізмаў
- Королевіч С. А. Прагматика языкового знака в летописном тексте
- Макарэвіч Н. М. Персаніфікаваныя найменні ў каляндарна-абрадавай паэзіі беларусаў
- Макарэвіч Н. М. Сэнсава-граматычная характарыстыка сімвалічных назваў асобы ў каляндарна-абрадавай паэзіі
- Пашкевіч М. І. Клічны сказ як сродак выражэння суб'ектыўнай мадальнасці ў навуковым тэксе
- Пераход В. Б. Вобразы-сімвалы ў паэзіі Ніны Мацяш (на матэрыяле балад)
- Посохин А. А. Смысловая структура слова: проблема взаимодействия корневого и аффиксальных значений
- Сацута І. У. Валадкевіч А. М. Формы перфекта ў мове прадмоў да Бібліі Ф. Скарыны
- Сянкевіч С. А. Маўленчы этас публіцыстычных тэкстаў (на прыкладзе прэцэдэнтных газетных загаловаў)
- Сянкевіч С. А. Функцыянальнае і жыццёвае ў фарсе-вадэвілі Дуніна-Марцінкевіча «Пінская шляхта»
- Трунова І. С. Адметнасць перакладу вобразных параўнанняў з роднасных моў (на матэрыяле мовы паэтычных твораў сучасных беларускіх і ўкраінскіх аўтараў)
- Фелькіна О. А. Оценочные функции метафоры в русском и чешском языках

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОРНЕВОГО И АФФИКСАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В словообразовании изучение слова обычно начинается с разграничения, противопоставления морфем корневых и аффиксальных. Под корневой морфемой обычно понимается основная, стержневая часть слова, которая выражает основное лексическое значение слова. Все остальные морфемы представляются как видоизменяющие, конкретизирующие значение корня и относятся к служебным. «Корневые морфемы имеют в качестве означаемого элемент (кусочек) действительности, следовательно, их значение реально-вещественное. Аффиксальные морфемы ни с каким элементом действительности непосредственно не соотносятся» [2, с.39], они используются лишь как модификаторы значения разных слов, т.е. выражают логико-грамматические значения.

Корневая морфема признается обязательной частью слова, которая способна к самостоятельному употреблению, в то время как служебные морфемы характеризуются в качестве факультативных, необязательных.

При рассмотрении такого понятия, как значение корневой морфемы, при всей бесспорности принципов ее выделения, тем не менее, возникает вопрос о границах этого значения. Так, если корневая морфема в качестве означаемого имеет «элемент действительности», значит ли это, что корневая морфема *-стол* – в качестве означаемого имеет только образ предмета, именуемого *стол*, или сюда же попадут образы, именуемые *застолье*, *столовая*, *столешница* и т.п.? С нашей точки зрения, универсальность языкового знака и корневой морфемы, в частности, в том и состоит, что значение его настолько объемно, что включает в себе потенцию называть любой объект действительности, образ которого содержит в себе то, с чем ассоциировано значение знака. Используя корень *-стол-*, мы можем назвать любую реалию действительности, образ которой содержит в себе некий признак «столости». Когда же говорящего и слушающего интересует какое-либо специфическое проявление это «столости», они вынуждены прибегать к помощи средств, которые соответствующим образом ориентируют корневое значение, т.е. к аффиксам. Иными словами, корневое значение содержит в себе в свернутом виде языковое представление о некой обобщенной броской черте конкретных образов во внеязыковой картине действительности, о каком-либо признаке, способном служить намекателем на определенный класс образов. При этом заметим, что на различных стадиях развития языка этот абстрактный признак может иметь несколько различное содержание.

Несмотря на то, что аффиксальные морфемы понимаются как видоизменяющие, конкретизирующие смыслы корня, появление в литературе определения аффикса как «модификатора значений слов» позволяет сделать вывод о частом смешении и неразличении корневых значений и значений слов. Изолированное от аффикса корневое значение обладает весьма широким полем смыслов, на которые оно может намекать, т.к. отношения между элементами этого поля ничем не задаются. Как грамматически не оформленное сло-

во в пределах синтаксической конструкции не способно выполнить свою актуальную синтаксическую функцию, так и корневое значение в отсутствие аффикса лишь в самых общих чертах отсылает слушающего к некоторой виртуальной области образов, способных быть смыслом значения корня; задавая же при помощи аффикса определенный тип отношений между дальнейшим и ближайшим смыслом корневого значения, мы направляем слушателя уже к конкретному внеязыковому образу как к актуальному смыслу значения словоформы.

Таким образом, ясное понимание структурирующей функции аффикса, которая задает определенный тип отношений между виртуальными смыслами корневого значения, позволит лучше осознать значение самого аффикса, его роль в слове; избежать восприятия аффиксального значения как некоего «довеска» к корневому значению. Из сказанного следует, что определение значения того или иного деривационного аффикса должно сводиться к описанию типа задаваемых им отношений между дальнейшим и предшествующим смыслом, способа его действия, способа преобразования предшествующего смысла в последующий.

Проблемой, обычно рассматриваемой в словообразовании, является установление отношений производности между словами. В русском языкознании принято выделять слова производные и непроизводные, немотивированные, такие, как *стол*, *думать*, *синий*. Большинство слов признается производными, мотивированными: *столик* от *стол*, *передумать* от *думать*, а *синеватый* от *синий*. Но уже то, что на практике не всегда бывает абсолютно ясно, от какого именно производящего получено данное производное, позволяет усомниться в правильности установления отношений производности предложенным способом. Кроме того, нельзя не заметить, что результат применения существующих методик словообразовательного анализа практически всегда зависит от уровня лингвистической компетенции исследователя и весьма подвержен субъективному фактору, иными словами, где один усматривает отношения мотивации, другой не находит для них оснований.

Попытаемся на очевидном, казалось бы, примере *стол* – *столик* выяснить действительно ли эти слова находятся в отношениях производности.

С точки зрения современного синхронного словообразования слово *стол* – непроизводное. Однако морфемно *стол* членится на корень *-стол-* и аффикс *-ь*. Конечно, данный случай проще отнести к явлению недеривационного плана, но не будем забывать, что с семантической точки зрения разница между словообразовательными и словоизменительными аффиксами достаточно условна и определяется в большей степени их неодинаковой частотностью. Т.н. словоизменительный аффикс не только выражает грамматическое отношение, но и указывает на черты, присущие собственно слову, с которым он употребляется. Так флексия *-ь* в слове *стол* определяют целый комплекс его свойств, которые с трудом можно отнести только к грамматическим.

Тот факт, что в слове *стол* материально выражена только корневая морфема, вряд ли может служить достаточным основанием для объявления

его непроизводности. Нет среди знаменательных слов русского языка слов, состоящих только из корня, так как вне всякого аффиксального или словесного окружения корневое значение не может выразить некий конкретный, актуальный смысл. Попробуйте охарактеризовать корневое значение *-стол-* вне флексии *-ь*. Несмотря на то, что корневая морфема – основная значащая часть слова и относительно цельные образы внеязыкового сознания соотносятся именно с корневой морфемой как ее виртуальные смыслы, сама по себе корневая морфема в речи бессильна, ввиду чрезвычайной обобщенности значения. На некоторые черты своих смыслов корневое значение как «представление» (в понимании А.А.Потебни) способно намекнуть. Корневое значение – это лишь языковая программа, соотнесенная с определенными смыслами, способными ассоциироваться с этим значением, но для того, чтобы эта программа могла их выразить, нужны соответствующие условия ее функционирования, причем условия эти будут задаваться специфическим для каждого языка способом, для русского, например, – путем актуализации вполне определенного смысла в поле виртуальных смыслов корневого значения посредством словообразовательной и словоизменительной аффиксации.

Было бы ошибкой считать, что способностью актуализировать определенный смысл в поле виртуальных смыслов корневого значения обладают только аффиксальные морфемы. Очевидно, необходимо признать возможность актуализации смысла корневого значения синтаксическим способом. Под этот случай, вероятно, попадет ряд нечленимых морфемно наречий. Необходимость в синтаксической актуализации смыслов значений этих слов проявляется в их принципиальной неспособности функционировать вне связи с другими словоформами. Более того, можно предположить, что лексический смысл слов, имеющих в своем составе аффиксы, окончательно оформляется в пределах синтаксической конструкции. Например, вне контекста не различаются однокоренные наречия и краткие прилагательные среднего рода, это же относится и ко всякого рода омонимам.

Из всего сказанного следует, что отношения производности следует устанавливать не на уровне производящая основа – производная основа, рассматривая только смыслы предшествующего и последующего слова, а на уровне корневое значение – ближайшие и возможные дальнейшие лексические смыслы значений. Все однокоренные слова в равной степени мотивированы корневым значением: слово *подосиновик* существует не потому, что в языке есть слово осина, а потому, что есть корень *-осин-*, который обладает своим значением и ближайшим смыслом этого значения, которое, в свою очередь, по-разному трансформировано в словах *осина* и *подосиновик*, в соответствии с указанием о характере этой трансформации, задаваемом грамматическим значением аффиксов. Таким образом, словообразовательный процесс распространяется от корневого значения на ближайшие смыслы *радиально* и лишь от них – на дальнейшие *ступенчато* для указания на то, как нужно сначала преобразовать ближайший смысл корневого значения, а потом этот преобразованный в последующий дальнейший на пути следования от производящего корня к производному слову.

Подобный подход в рассмотрении механизма взаимодействия корневой и аффиксальных морфем и процесса словообразования в целом позволяет по иному взглянуть на проблему разграничения фактов синхронии и диахронии. В теории современного словообразования в качестве критерия, на основании которого синхрония отделяется от диахронии, чаще всего используется критерий Г.О.Винокура [1]. Не вдаваясь в подробности данного подхода, выделим главное: непроизводные слова – это ничем не мотивированные, условные обозначения действительности, тогда как «значение» производного слова всегда определимо посредством ссылки на «значение» соответствующего производящего. Поэтому задача синхронного словообразования состоит в рассмотрении живых семантических связей между словами, имеющими формальную общность, и установлении направления отношений производности: какое из однокоренных слов мотивированное, а какое – мотивирующее.

Исходя из нашего положения о том, что в качестве производящего всегда выступает корневое значение, а все слова, содержащие этот корень, есть производные от ближайших смыслов корневого значения, следует признать все случаи словообразования с этим корнем имеющими отношение к синхронии. В то же время изменения, связанные собственно с корневым значением (его расширением или сокращением), отнести к явлениям диахронии.

В связи с вышесказанным, вопрос закономерностях сочетаемости корневой и аффиксальных морфем приобретает иную, отличную от традиционного представления теоретическую и практическую значимость. Обязательность или факультативность появления того или иного словообразовательного элемента при данной корневой морфеме может объясняться содержанием самой корневой морфемы, которая выстраивает свое аффиксальное окружение, притягивая соответствующие коммуникативному заданию и своей внутренней форме словообразовательные средства и отталкивая аффиксы, нестыкующиеся, противоречащие как ближайшему, так и тому или иному дальнейшему вообще или в некоторых особых условиях общению содержанию корня. Кроме того, на сочетаемостные возможности корня и аффиксов оказывает влияние действие фонетических законов, вследствие которых словообразовательные компоненты видоизменяются (порой до неузнаваемости), приспособляясь друг к другу и образуя плотную, целостную звуковую ткань слова. При всем этом, аффиксы, несмотря на свою явную служебность по отношению к корню также не могут безразлично вступать в связь с любым корнем. Аффиксальное значение, действуя как оператор по отношению сначала к ближайшему, а потом и к дальнейшим смыслам корневого значения, может воздействовать только на отзывающееся его влиянию значение корня и на задаваемые им ближайшие и дальнейшие виртуальные смыслы.

Так, например, суффикс *-ун-* в существительных *болтун, храпун, крикун* указывает на то, что действие, по которому характеризуется лицо, не имеет направленности на достижение результата и исчерпывается самим инициатором этого действия. Следовательно, данный суффикс не может сочетаться с корнем, в значении которого есть указание на действие, предполагающее кроме его инициатора еще и конкретный объект этого действия. И

если *хранеть*, *кричать* и *болтать* можно вне зависимости от наличия конкретного объекта, то бороться сражаться и соревноваться обычно можно только с кем-нибудь или с чем-нибудь, отсюда невозможность таких форм как *борун*, *сражун*, *соревновун*.

Суммируя вышесказанное, выделим основные факторы, определяющие сочетаемость корневой и аффиксальных морфем. Итак, на самом верхнем уровне сочетаемость определяется коммуникативным заданием, которое формируется под влиянием «вписаться» в смысловую систему, задаваемую внутренней детерминантой языка, и определяет общие свойства будущей словарной единицы. Коммуникативное задание диктует перечень и иерархию необходимых намеков (с точки зрения внутренней детерминанты) компоненты выражаемого смысла, так как одного «шага» (намек) редко бывает достаточно, чтобы слушающий понял, о чем ему хотят сообщить. Внутри полученного «списка» намеков значимость каждого из них оказывается различной: один будет занимать доминирующее положение (это намек на главный, наиболее существенный компонент смысла при данной внутренней форме), другие же будут конкретизировать, уточнять первый.

В соответствии с иерархией намеков для их реализации подбираются наиболее подходящие из ограниченного списка морфемы, которые способны максимально точно реализовать необходимые намеки. При этом доминирующий намек, способный ассоциироваться непосредственно с элементами внеязыкового сознания как со своими ближайшими смыслами, будет выражен через значение корневой морфемы, а намеки, конкретизирующие отношения между смыслами и уточняющие намеки, в свою очередь, - через значение аффиксов. На данном уровне сочетаемость корня и аффиксов будет обуславливаться способностью или неспособностью аффиксальных значений, взаимодействуя со смыслом корневого значения, уточнять, детализировать и нередко актуализировать его в соответствии с коммуникативным заданием.

И, наконец, на материальном уровне сочетаемость морфем, обладающих наряду со значением и звуковой оболочкой, определяется действием фонетических законов, обусловленных как особенностями артикуляции, так и наличием внутренней детерминанты языка, мотивирующей типичные позиционные характеристики языковых единиц в целом и звуковых, в частности.

Литература:

1.Винокур О.Г. Заметки по русскому словообразованию (1946) в кн. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С.421

2.Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973